

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-4-9

Андрей Николаевич Егоров

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

<http://orcid.org/0000-0002-1196-3748>,
anegorov65@mail.ru

Andrei N. Egorov

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-1196-3748>,
anegorov65@mail.ru

**Историческое исследование или политическое обвинение?
(О статье Д. Рогута «Отношение советских органов безопасности к Армии
Крайовой (июль 1944 – январь 1945 гг.)») ***

**A Historical Study or a Political Accusation?
(On the Article by D. Rogut “The Attitude of Soviet Security Organs to the
Home Army (July 1944 – January 1945)”)**

Аннотация. Статья посвящена анализу публикации польского историка Дариуша Рогута «Отношение советских органов безопасности к Армии Крайовой (июль 1944 – январь 1945 гг.)». Опровергается идея героизации АК, рассматриваются причины репрессий советских органов безопасности по отношению к АК. Предложены иные трактовки наиболее дискуссионных проблем, затронутых в статье. Делается вывод о том, что статья Д. Рогута является типичным примером априорного подхода, характерного для ряда современных польских историков, связанных с Институтом Национальной памяти, зачастую ставящим политико-идеологические установки выше научной объективности.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советско-польские отношения, Армия Крайова, советские органы государственной безопасности.

* Для цитирования: *Егоров А.Н.* Историческое исследование или политическое обвинение? (О статье Д. Рогута «Отношение советских органов безопасности к Армии Крайовой (июль 1944 – январь 1945 гг.)») // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 1377–1399. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-4-9

For citation: Egorov, A. “A Historical Study or a Political Accusation? (On the Article by D. Rogut “The Attitude of Soviet Security Organs to the Home Army (July 1944 – January 1945)”). *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 4 (2020): 1377–99, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-4-9>

© Егоров А.Н., 2020

© Egorov A., 2020

Abstract. The article is devoted to the analysis of the publication “The Attitude of the Soviet Security Organs to the Home Army (July 1944 – January 1945)” written by the Polish historian Dariusz Rogut. The article refutes the idea of heroization of the Home Army (Armia Krajowa, AK) and considers the reasons for the repression of the Soviet security agencies against the AK. The author proposes other interpretations of the most controversial issues raised in the article. He concludes that the article by D. Rogut is a typical example of the a priori approach, which is characteristic of a number of contemporary Polish historians associated with the Institute of National Remembrance who often set political and ideological attitudes above scientific objectivity.

Key words: the Second World War, Soviet-Polish relations, the Home Army, Soviet state security agencies

В изучении очень непростой политической истории XX века совершенно четко прослеживается влияние политики, идеологии на формирование научных концепций. Немалое число историков, хотя бы они того или нет, исходят из заранее сконструированной модели, вытекающей не из анализа комплекса ретроспективных источников, а из «идеи», требующей подбора соответствующих фактов. Понимание этого очевидного обстоятельства требует от историка при подготовке научной работы максимально отделять, насколько это возможно, свои политические взгляды от основных принципов научного исторического исследования. Если этого не делать, любая научная статья может превратиться из объективного исследования в политическое обвинение/оправдание тех или иных людей, событий, явлений, которое соответствует политическим взглядам автора. Самое яркое проявление политической ангажированности историка – априорный подход – иллюстрация источниками заранее сформулированной концепции. Такая иллюстрация может быть более или менее адекватна источникам, но всегда приводит историка к определенной подгонке реальности под уже имевшееся у него представление о том, какой она должна быть. При этом источники, явления, факты, не укладывающиеся в априорную картину, просто игнорируются. Этот подход был характерен для значительной части советской историографии, но российские историки стараются (в большинстве своем) его избегать.

Статья Дариуша Рогута «Отношение советских органов безопасности к Армии Крайовой (июль 1944 – январь 1945 гг.)» как раз и является типичным примером априорного подхода, характерного для современных польских историков, связанных с Институтом Национальной памяти, зачастую ставящих политико-идеологические установки выше научной объективности.

В своей статье Д. Рогут исходит из ряда априорных установок: 1) Армия Крайова – герои, которые вместе с Красной Армией освободили Польшу; 2) Вместо благодарности по отношению к своим союзникам, советские органы госбезопасности необоснованно репрессировали многих бойцов АК; 3) Только представители АК являлись подлинными, законными выразителями интересов польской нации, в то время как польские коммунисты и их политические и во-

енные структуры (Армия Людова, Войско Польское) – марионетки Москвы; 4) Довоенная территория Второй Речи Посполитой – исконно польские земли и любые посягательства на них со стороны СССР являлись незаконными, нарушающими принципы международного права; 5) Для Польши немецкая оккупация в годы Второй мировой войны сменилась советской, причем, судя по тексту, автор ставит знак равенства между ними. Все эти тезисы носят политико-идеологический характер и могут иметь иные трактовки. Разберем их подробнее.

1) АК вовсе не состояла из одних беззаветных героев. В ее истории было немало черных страниц: преследование евреев (формально антисемитизм в АК был запрещен, в реальности – процветал)¹, коммунистов, этнические чистки украинцев и белорусов на тех землях, которые поляки считали своими. В 1944 г. на территории Польши неоднократно были зафиксированы случаи разрушения и расстрела аковцами бежавших из немецкого плена советских военнопленных (в том числе тех, кто желал вступить в партизанские отряды АК с целью сражаться с немцами, и даже тех, кто ранее был принят в ряды АК)². В январе 1943 г. начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко в докладной записке И.В. Сталину констатировал, что в Польше сохраняются силы, которые «организуются против нас» и получают директивы «уничтожать представителей советского партизанского движения». В подтверждение этого тезиса он приводил слова вице-премьера С. Миколайчика с призывом к полякам пока не оказывать активного сопротивления гитлеровцам, ибо, по словам Миколайчика, «иное поведение польского народа лишает союзников силы, которая может сыграть большую роль в конечном этапе борьбы»³. Партизанская война – вообще жестокая вещь, но даже по военным меркам аковцы очень часто поступали бесчеловечно. Приведем выдержку из

¹ Белорусские историки на основании архивных документов КГБ Белоруссии пишут: «Евреи неоднократно становились жертвами аковцев. Так, командир одного из соединений АК в Краковском воеводстве майор «Боровой» летом 1944 г. отдал секретный приказ о ликвидации всех евреев в соединении якобы с целью помешать их бегству в отряды Армии Людовой (далее – АЛ). Приказ исполнили подхорунжий по кличке «Дог», а также некие «Колумб» и «Кукулка» (*Ермолович В.И., Жумарь С.В.* Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.). – Минск: БелНИЦДААД, 1994. – С. 106).

² Краткая справка, представленная Военным советом 1-го Белорусского фронта начальнику Главного политического управления Красной Армии, об отношении Армии Крайовой к русским партизанам 11 ноября 1944 г. (Печ. по: ЦАМО РФ. – Ф. 233. – Оп. 2380. – Д. 16. – Л. 374–377. Заверенная копия) // Русский архив: Великая Отечественная. Том 14 (3-1). СССР и Польша. – Москва: ТЕРРА, 1994. – С. 180–182.

³ Цит. по: *Носкова А.Ф.* Сталин и Армия Крайова (к формированию позиции советского руководства) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 3 / ответственные редакторы А.П. Сальков, О.А. Яновский и др. – Минск: Белорусский государственный университет, 2008. – С. 319.

воспоминаний очевидца о карательных мерах АК против украинского населения, последовавших в качестве мести за Волынскую резню⁴ (в польской историографии – Волынская трагедия):

Когда к селу приближались польские подразделения, люди из хутора убегали в лес. Это случилось 20 июля 1943 г... Поляки зашли в хату, вытащили больного папу на двор, прислонили к стене и били прикладами в голову, грудь, в живот, били и лежащего. Маму с шестимесячным Ваней на руках поставили к стенке рядом с умирающим папой и выстрелили в голову. Ваня, ударившись о землю, заплакал, его тоже застрелили. 12 летнему сыну Федору тут же, у хаты, размозжили голову обухом топора. Вите было 2,5 года. Его топором разрубили от плеча до груди. Он сначала стонал, а потом замолк...⁵

От рук АК и других польских националистических отрядов на территориях украинско-польского конфликта погибло по некоторым подсчётам до 24 тыс. человек украинского населения (интересно сравнить отношение в историографии к этим цифрам в наши дни: польские историки называют цифры от 11 до 15 тыс. убитых, в украинских учебниках цифры колеблются от 30 до 70 тыс.)⁶. Конечно, следует учитывать психологическое состояние аковцев, видевших, что творили отряды ОУН-УПА с польским населением в ходе Волынской резни, но даже с учетом данного фактора вряд ли можно оправдать подобные действия.

Современный польский историк Г. Мотыка пишет: «Операции польского подполья в 1942–1943 годах, конечно, могут породить сомнения этического свойства, однако они вписывались в другую логику – беспощадной борьбы за физическое выживание в условиях немецких депортаций»⁷. Возникает простой вопрос – если уж карательные действия АК вызывают у польских историков «сомнения этического свойства», то стоит ли героизировать аковцев? Странно также, что эту же логику польские исследователи не применяют по отношению к политике Советского Союза. Разве репрессивные действия Красной Армии и органов НКВД, которые, безусловно, тоже порождают «сомнения этического свойства», не вписываются в логику «беспощадной борьбы за физическое выживание» Советского Союза в годы Великой Отечественной войны? Следует признать простую вещь – в те годы жестокость, насилие применялись со всех сторон, как аковцами по отношению к украинскому и белорусскому населению,

⁴ См.: Забытый геноцид: «Волынская резня» 1943–1944 годов: сборник документов и исследований / составитель А. Дюков. – Москва: Алексей Яковлев, 2008.

⁵ Цит по: *Яковлева Е.В.* Польша против СССР. 1939–1950 гг. – Москва: Вече, 2007. – С. 230–231.

⁶ См. подробный разбор украинско-польского конфликта: *Мотыка Г.* От волынской резни до операции «Висла». Польско-украинский конфликт: 1943–1947. – Москва: Политическая энциклопедия, 2014.

⁷ *Мотыка Г.* От волынской резни до операции «Висла». – С. 183.

так и бандеровцами по отношению к польскому населению. При этом те и другие вели беспощадную борьбу с Красной Армией и советской администрацией. Органы НКВД также не церемонились со своими политическими противниками, но им было очень далеко до зверств украинских и польских националистов. Поэтому представлять одних (АК) беззаветными героями, а других (советские органы госбезопасности) карателями не верно.

2) Репрессии НКВД против АК вовсе не были необоснованными. У них были серьезные причины. Для Красной Армии и советской администрации АК изначально была враждебной организацией, которая боролась с «советами» не меньше, чем с немцами. 14 июля 1944 г. командующий АК генерал Т. Бур-Коморовский радировал Главнокомандующему Польских Вооружённых сил, подчинявшихся польскому эмигрантскому правительству, генералу К. Соснковскому:

Оказывая Советам минимальную военную помощь, мы при этом создаем им политические трудности. АК должна делать упор на стремлении народа к независимости. Это вынуждает Советы подавлять нашу волю силой и создает им внутренние трудности... Должно будет произойти явное насилие, что может вызвать протест дружественных нам союзников⁸.

События по освобождению Львова, описанные в статье Д. Рогута, полностью попадают под эту тактику АК, но польский автор ни слова не упоминает об этой позиции руководства АК.

12 июля 1944 г. Т. Бур-Коморовский издал приказ, из которого следовало, что, так или иначе, вооруженная конфронтация АК с Красной Армией неизбежна: «...борьба с Советами является нежелательной необходимостью, и это как в отношении регулярных советских частей, так и партизанских отрядов, а также коммунистических бригад (ППР и АЛ)»⁹. При этом проправительственная польская пресса в многочисленных публикациях призывала Англию и США превратить войну антигитлеровскую в войну антисоветскую.

Д. Рогут приводит примеры совместных действий АК и Красной Армии против немцев, но существует масса других примеров – при советском наступлении АК уходила в подполье, и воевала уже с Красной Армией (но об этом в статье польского историка не говорится ни слова). Для того, чтобы представить как аковцы «помогали» Красной Армии воевать с фашистами, какие методы борьбы они применяли, приведем выдержки из протокола допроса в НКВД аковца В.В. Микутя:

⁸ Цит. по: *Ермолович В.И., Жумарь С.В.* Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии. – С. 43.

⁹ Цит. по: *Ермолович В.И., Жумарь С.В.* Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии. – С. 44.

Вопрос: 14 марта 1945 г. вам было предъявлено обвинение в том, что вы, будучи командиром вооруженного отряда Армии Крайовой, проводили в тылу Красной Армии подрывную работу. Виновным себя вы признаете?

Ответ: Признаю себя виновным в том, что после освобождения Красной Армией территории Литовской ССР от немецких захватчиков я, вопреки указаниям советских военных властей о прекращении подпольной деятельности Армии Крайовой, вновь организовал вооруженный отряд АК, руководя которым, проводил подрывную работу в тылу Красной Армии...

Вопрос: А к чему сводились указания, получаемые от Виленского округа АК?

Ответ: ...мы, согласно приказа Виленского округа АК, должны были проводить диверсионные акты и уничтожать телеграфную и телефонную связь, а путем террористических актов нарушать нормальную работу советских органов в тылу Красной Армии. «Мстислав», ссылаясь опять-таки на приказ штаба Виленского округа АК, говорил, что мы должны убивать не только представителей Красной Армии, но и председателей советов, которые на местах строго выполняют директивы советского военного командования.

Вопрос: Как вы выполняли эти указания Виленского округа АК о проведении диверсионной и террористической работы в тылу Красной Армии?

Ответ: ...мы проводили вооруженные налеты и совершали убийства партийно-советского актива и военнослужащих Красной Армии. Так, 4 февраля 1945 г. в дер. Раубишки Виленского уезда наш отряд... напал на группу красноармейцев и в завязавшемся бою истребил 10 бойцов Красной Армии... я приказал захватить в дер. Заельняк двух местных представителей Советской власти, занимавшихся там каким-то учетом, и передал их отряду, командир которого имел кличку «Комар». После издевательств эти два представителя местной власти были брошены на подводу и вблизи деревни Околица расстреляны.

Вопрос: Эти ваши действия следует расценивать как бандитские. Не так ли?

Ответ: Ничего подобного. Мы не являлись бандитами, а составляли вооруженный отряд Армии Крайовой, который действовал не самочинно, а только по приказам Виленского штаба Армии Крайовой. Приказы штаба округа обязывали нас, руководителей отрядов АК, захватывать и расстреливать представителей Советской власти на местах...

Вопрос: Говорите конкретнее, против кого вы совершили террористический акт?

Ответ: 15 февраля 1945 года совместно с отрядом, которым командовал капитан «Комар», мы совершили вооруженный налет на деревню Лесная... и захватили в ней 7 бойцов советского истребительного отряда. После издевательств и избиений все семь советских бойцов были раздеты догола, связаны, поставлены к стенке одного из домов и расстреляны...

Вопрос: Покажите, как были произведены захват и расстрел советских военнослужащих в дер. Лесная? ...

Ответ: «Комар» приказал во что бы то ни стало выловить и доставить советских бойцов в центр деревни для казни. Примерно через 15 минут все бойцы были разысканы и доставлены в центр села, где их собрали около стены одного дома. Половина участников наших отрядов и четверо местных жителей присутствовали на месте казни, а остальные охраняли деревню. Заместитель «Комара» по кличке «Панцеш» с преданными отряду 12 жандармами раздели бойцов догола, связали их вместе и выстроили вдоль стены. После чего «Панцеш», сняв с себя солдатский ремень, в течение 10 минут расхаживал из конца в конец строя бойцов и избивал их поочередно железной пряжкой, а потом крайнего пристрелил из пистолета. Убитый советский боец потянул привязанных к нему остальных бойцов, и те вынуждены были стоять в полусогнутом положении над своим мертвым товарищем. В других бойцов «Панцеш» не стал стрелять ввиду того, что жандармы заявили, что право расстрела остается за ними. Однако, «Панцеш» не хотел уступать, и они начали переругиваться, доказывая, что каждый из них может расстреливать советских бойцов. Сидевший в стороне верхом на лошади и наблюдавший за расстрелом «Комар» приказал жандармам и «Панцешу» прекратить ненужные споры и закончить казнь, после чего «Панцеш» отошел в сторону, а жандармы несколькими очередями из автоматов убили советских военнослужащих¹⁰.

Такие факты вовсе не были единичными. Современные российские и белорусские историки опубликовали немало документов подобного рода¹¹. По данным А.Ф. Носковой, с июля 1944 г. по 30 мая 1945 г. участниками отрядов АК и других польских подпольных организаций было убито 593 советских военнослужащих. По самым приблизительным подсчетам, к осени 1945 г. погибло около 800 человек, не считая тех, кто был уведен в «лес» и бесследно исчез¹². Эти цифры только по военнослужащим – без учета количества жертв среди

¹⁰ Цит. по: *Ермолович В.И., Жумарь С.В.* Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии. – С. 67–74.

¹¹ НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (по «Особым папкам» И.В. Сталина): сборник документов / ответственный редактор А.Ф. Носкова. – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994; Русский архив: Великая Отечественная. Том 14 (3–1). СССР и Польша. – Москва: ТЕРРА, 1994; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. / ответственный редактор А.Ф. Носкова. – Москва; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001; Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить нацистскую Германию. 1944–1945 гг.: документальная публикация // Электронная библиотека Федерального архивного агентства (Росархива). – URL: <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/foreword.shtml#01> (дата обращения: 30.05.2020)

¹² Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить нацистскую Германию. – URL: <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/foreword.shtml#01> (дата обращения: 30.05.2020)

гражданского населения, которые полностью не подсчитаны. В современной белорусской прессе приводятся данные по западным областям Белоруссии, основанные на архивных документах КГБ Белоруссии:

За 1944–1947 годы бандгруппами АК было совершено 575 террористических актов, 39 диверсий, 252 нападения на государственные учреждения и предприятия. От рук польских националистов погибло 96 работников МВД-МГБ, 25 офицеров и 82 сержанта, рядовых войск МВД и Советской Армии, 290 человек партийно-советского актива, 1031 гражданин, 166 человек получили ранения, 37 человек были уведены боевиками. В состав действовавших банд входили не только АКовцы, но и дезертиры, уголовники и бывшие полицейские¹³.

Возникает логичный вопрос – как советская военная администрация должна была реагировать на все это, как должна была относиться к АК, если в большинстве случаев АК воевала с Красной Армией, а случаи сотрудничества были единичными?¹⁴ Неужели польский исследователь ничего этого не знает? Современные белорусские историки подчеркивают:

Аковский террор вызывал вполне естественные и логичные в этой ситуации ответные действия органов госбезопасности и внутренних дел. Обстановка была столь сложной и напряженной, что вряд ли их можно характеризовать как чрезмерные¹⁵.

К аналогичным выводам приходят и российские исследователи¹⁶. Возникает естественный вопрос – не являются ли действия АК ответом на репрессивные действия советских органов государственной безопасности. Изучивший этот вопрос С.И. Белов констатирует, что уже в начальный период освобождения Польши АК

¹³ Армия Крайова. Трагедия противостояния // Из Гродно. Новости Гродно и Гродненской области. – URL: <http://izgrodno.com/?p=20692> (дата обращения 13.06.2020)

¹⁴ Даже без обращения к документам и историческим исследованиям любой желающий может узнать о трагических коллизиях тех лет из художественной литературы: польская классика – «Пепел и алмаз» Ежи Анджеевского (и знаменитый фильм Анджея Вайды по нему); советская классика – «Момент истины» Владимира Богомолова (из-за негативных оценок АК этот роман никогда, даже в советское время, не переводился на польский язык и не издавался в Польше).

¹⁵ Ермолович В.И., Жумарь С.В. Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии. – С. 84.

¹⁶ Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить нацистскую Германию. – URL: <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/foreword.shtml#01> (дата обращения: 30.05.2020)

развернула активную подрывную деятельность, направленную против СССР. Действия националистов были заранее спланированы и не являлись реакцией на провокации со стороны Москвы – установки на борьбу с советскими войсками и лояльными Советской России силами внутри Польши были заданы задолго до того, как части Красной Армии приблизились к границам «Речи Посполитой»¹⁷.

Таким образом, в действиях советских органов государственной безопасности по отношению к АК, хорошо показанных в статье Д. Рогута, была своя логика военного времени, а не просто необоснованное преследование героев-поляков. Репрессии против АК имели очень серьезные причины, но об этом Д. Рогут ничего не пишет, чем создает у читателя неадекватное представление о происходивших трагических событиях.

3) В статье Д. Рогута польские коммунисты представлены марионетками Москвы, что является очень упрощенной трактовкой истории. Д. Рогут ни слова не говорит об Армии Людовой (в 1944 г. АЛ провела 904 боевые операции), о Войске Польском, а ведь они сыграли гораздо большую роль в освобождении Польши, чем АК. Неужели все они – марионетки Москвы? Директивы АК категорически запрещали сотрудничество с Войском Польским. Отношения АК и АЛ были очень непростыми – в частности, руководство АК резко реагировало на случаи перехода своих бойцов в ряды АЛ, подобные поступки рассматривались как дезертирство. Несмотря на известные случаи взаимодействия бойцов и подразделений АК и АЛ на местном уровне в борьбе с немецкими оккупантами, в целом в АК господствовало общее неприятие «коммунистических банд». Похоже, так же относится к ним и современный польский исследователь, а ведь речь идет о его соотечественниках, воевавших с фашистами. Кроме того, где же элементарная логика? Если сторонники Москвы, находившиеся в Польше, названы марионетками, то тогда и сторонники Запада, находившиеся в Англии (а не воевавшие в Польше), тоже должны быть названы марионетками Англии, США и т. п. Но политические симпатии автора статьи таковы, что зависимое от Запада польское правительство в Лондоне является законным, а зависимое от Москвы польское правительство – марионеточным. Тогда уж и тех, и других надо называть марионетками. Д. Рогут пишет: «коммунисты одновременно злоупотребляли патриотической пропагандой и национальной символикой». Может быть, автору следовало бы задуматься, что у польских коммунистов и близких к ним организаций тоже были свои убеждения, свои взгляды на развитие страны, что и они по-своему были патриотами (и кровь проливали на войне) и хотели своей стране добра. Нельзя же так делить историю своей страны на черное (просоветское) и белое (прозападное).

¹⁷ Белов С.И. Подрывная деятельность «Армии Крайовой» в начальный период освобождения Польши (июль – декабрь 1944 г.) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 7 (182). – С. 52.

4) Вопрос о довоенной территории Польши – мягко говоря, очень дискуссионный. Для советской администрации западные земли Украины и Белоруссии (в польской историографии – Восточная Польша) являлись своими землями в неменьшей степени, чем для АК. Отсюда и призыв в Красную Армию населения этих территорий (поляков призывали в Войско Польское, а украинцев и белорусов – в Красную Армию – что в этом плохого?) и иные меры советизации. Ссылаться при этом, как делает автор статьи, на нарушение неких норм международного права означает отрицать принцип историзма в исторических исследованиях – о каких нормах международного права можно было говорить в условиях войны на прифронтовых территориях? Кто тогда исполнял эти нормы и в чем они заключались? Нельзя же современные представления о международном праве переносить на события 1944–1945 гг.

Ссылки на нормы международного права неубедительны и с точки зрения анализа действий польских националистических подпольных организаций и вооруженных групп. Польский историк Т. Валихновский пишет:

29 января и 2 февраля 1946 г. (т.е. после окончания войны. – *А. Е.*) отряды НЗВ (аббревиатура одной из польских подпольных организаций. – *А. Е.*) «Бурого» сожгли два белорусских села. После поджога построек бандиты стреляли по убежавшим жителям. Таким образом, они убили и сожгли живьем 46 человек, среди них приблизительно 15 детей в возрасте до 10 лет. Несколько десятков человек были ранены и получили ожоги. Жители сожженных деревень потеряли все свое имущество. Без средств к существованию осталось 104 семьи – 459 человек¹⁸.

Хотелось бы узнать у польского историка – какими нормами международного права руководствовались при этом польские «партизаны»?

5) Данные о репрессиях НКВД против АК нужны Д. Рогуту для обоснования «теории двух оккупаций» (советская оккупация сменила нацистскую)¹⁹, которую активно пропагандирует Институт Национальной памяти. Однако сравнивать советскую «оккупацию» с немецкой некорректно даже с точки зрения норм международного права: советская Польша имела все государственные институты, а при немцах это была часть Третьего Рейха. В годы Холодной войны все страны мира признавали Польскую Народную Республику, и никто не считал ее оккупированной Советским Союзом (в отличие, например, от Прибалтики, чье вхождение в состав СССР в США никогда не признавали). Можно вспомнить, сколько поляков погибло при немецкой оккупации – мирных жите-

¹⁸ Цит. по: *Ермолович В.И., Жумарь С.В.* Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии. – С. 65.

¹⁹ *Иванченко В.* «Двойная оккупация»: Польша придумывает собственное прошлое // Rubaltic.ru. – URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/16072019-dvoynaya-okkupatsiya-polsha-pridumyvaet-sobstvennoe-proshloe/> (дата обращения 11.06.2020)

лей ориентировочно 5 млн. 600 тыс. (плюс примерно 600 тыс. военных). А сколько мирных жителей погибло при советской «оккупации» – вопрос риторический. Советская Польша, конечно, была под контролем СССР (в этом были свои плюсы и минусы), но это был именно контроль (влияние), а не оккупация. Современная Польша тоже находится под контролем (влиянием) США и ЕС, но почему-то это оккупацией не считается. Проведем элементарное сравнение: в советское время польская армия была частью Варшавского договора, сейчас в Польше НАТО. При СССР польская экономика была привязана к СССР, сейчас – к Западу. При СССР польская внешняя политика шла в «фарватере» СССР, сейчас – в «фарватере» США и так далее. В чем разница? Только в политических симпатиях автора статьи. Но политические симпатии/антипатии не имеют отношения к научной объективности, а в статье Д. Рогута эта объективность отсутствует.

* * *

Отметим, что в постсоветский период были позитивные примеры сотрудничества российских и польских историков. Так, в 2010 г. вышла объемная коллективная монография, в которой историки двух стран представили разные, но вполне взвешенные точки зрения на наиболее дискуссионные проблемы российско-польских отношений в XX веке²⁰. Однако буквально через год, в 2011 г. президент Польши Б. Комаровский подписал закон о Дне памяти (1 марта) «Проклятых солдат» – участников вооруженного антикоммунистического подполья. Закон признал национальными героями всех, без исключения, участников антикоммунистического подполья, определив как героические любые их действия и поступки. В первую очередь закон касается членов АК и других подобных организаций. Понятно, что после принятия этого закона в польской историографии все участники антикоммунистического подполья превратились в «национальных героев» и комплексное, объективное изучение их деятельности стало весьма проблематичным. При этом в современной российской историографии никому не приходит в голову замалчивать или героизировать репрессивные действия органов НКВД против Польши и других стран Восточной Европы²¹.

Именно в отсутствии объективного, комплексного подхода, когда конкретное явление анализируется в отрыве от других явлений, отдельно от множества сопутствующих факторов, заключается серьезный методологический недоста-

²⁰ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях: научное издание / под общей редакцией А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. – Москва: Аспект Пресс, 2010.

²¹ См.: *Петров Н.В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД – МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. – Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

ток статьи Д. Рогута. В результате вместо серьезного научного исследования мы имеем профессиональный подбор исторического материала для обоснования политико-идеологических симпатий автора.

Formation of scientific conceptions in the study of complicated political history of the 20th century is clearly influenced by politics and ideology. A considerable number of historians willingly or unwillingly proceed from a pre-constructed model which follows from an idea that requires the selection of appropriate facts rather than from the analysis of a complex of retrospective sources. Understanding this obvious circumstance requires that when preparing a research paper, a historian should separate as much as possible their own political views from the basic principles of scientific historical research. If this is not done, any scientific article may turn from an objective study into a political accusation / justification of certain people, events, and phenomena which correspond to the political views of the author. The most striking manifestation of political engagement of a historian is the a priori approach when a previously formulated concept is illustrated by the sources. Such an illustration may be more or less adequate to the sources, but it always leads the historian to a certain adjustment of reality to his pre-existing idea of what it should be like. At the same time, sources, phenomena, and facts which do not fit into the a priori picture are simply ignored. This approach was characteristic of a significant part of Soviet historiography but (most of) Russian historians try to avoid it.

The article “The Attitude of the Soviet Security Organs to the Home Army (July 1944 – January 1945)” by Dariusz Rogut is a typical example of the a priori approach, which is characteristic of a number of contemporary Polish historians associated with the Institute of National Remembrance who often set political and ideological attitudes above scientific objectivity.

In his article, D. Rogut proceeds from a number of a priori theses: (1) the members of the Home Army are heroes, who liberated Poland together with the Red Army; (2) instead of gratitude to their allies, the Soviet state security bodies unreasonably repressed many AK soldiers; (3) only representatives of the AK were genuine legitimate spokesmen for the interests of the Polish nation, while the Polish communists and their political and military structures (Armia Ludowa or the People’s Army and Wojsko Polskie or the Polish Army) were puppets of Moscow; (4) the pre-war territories of the Second Polish Republic were the native Polish lands and any

encroachments on them by the USSR were illegal and violating the principles of international law; (5) for Poland, the German occupation during the Second World War was replaced with the Soviet occupation, and, judging by the text, the author puts the sign of equality between them. All these theses are of a political and ideological nature and may have different interpretations. Let us consider them in more detail.

(1) The AK was not at all composed of selfless heroes only. There were a lot of black pages in its history: persecution of Jews (formally anti-Semitism was forbidden in the AK, but in reality it flourished)¹ and communists; ethnic cleansing of Ukrainians and Belarusians on the lands which the Poles considered their own. In 1944, repeated instances when the AK members disarmed and executed by shooting Soviet prisoners of war who had escaped from German captivity (including those who wished to join the AK partisan detachments in order to fight the Germans and even those who had previously been admitted to the AK ranks)² were recorded in the territory of Poland. In January 1943, in a memorandum to J. Stalin, P.K. Ponomarenko, the head of the Central Headquarters of the Partisan Movement, stated that the forces which “organized themselves against us” and received instructions “to destroy the representatives of the Soviet partisan movement” still remained in Poland. To corroborate this statement, he quoted the words of Deputy Prime Minister S. Mikołajczyk who appealed to the Poles asking them to offer no active resistance to the Nazis for the time being because, according to Mikołajczyk, “different behavior of the Polish people deprives the allies of the force which could play a great role at the final stage of the struggle.”³ Guerrilla war is a cruel thing in general, but even by military standards, the AK members very often acted inhumanly. Here is an excerpt from the memoirs of an eyewitness about the punitive measures of the AK against the Ukrainian population,

¹ On the basis of archival documents of the KGB of Belarus, Belarusian historians wrote: “Jews have repeatedly become victims of the AK members. In the summer of 1944, Major Borovoy, the commander of one of the AK formations in Krakow Voivodeship, issued a secret order to eliminate all Jews in the formation, allegedly in order to prevent their escape to the AL detachments. The order was carried out by a lieutenant nicknamed Dog and some Kolumb and Kukulka.” (V.I. Ermolovich and S.V. Zhumar', *With Fire and Sword: A Chronicle of the Polish Nationalist Underground in Belarus (1939–1953)* [in Russian] (Minsk: BelNITsDAAD, 1994), 106.

² Brief information on the attitude of the Home Army towards the Russian partisans submitted to the Chief of the Main Political Directorate of the Red Army by the Military Council of the 1st Belorussian Front on November 11, 1944 (Reprinted from TsAMO RF, F. 233, op. 2380, d. 16, l. 374–77. Certified copy) [in Russian], in *Russian Archive: Great Patriotic War*, vol. 14 (3–1), *USSR and Poland* (Moscow: TERRA, 1994), 180–82.

³ Cited in A.F. Noskova, “Stalin and the Home Army (on the formation of Soviet leadership’s position)” [in Russian], *Russian and Slavic Research: a scientific collection*, iss. 3, ed. A.P. Sal'kov, O.A. Yanovskii et al. (Minsk: Beloruskii gosudarstvennyi universitet, 2008), 319.

which followed as revenge for the Volhynia massacre⁴ (in Polish historiography, the Volyn tragedy):

When Polish troops approached the village, people from the farmstead ran to the woods. It happened on July 20, 1943. . . The Poles entered the house, dragged the sick father out into the yard, leaned him against the wall and beat him in the head, chest, and stomach with rifle butts, and beat him when he was lying on the ground. They put mother with a six-month-old Vanya in her arms against the wall next to the dying father and shot her in the head. Hitting the ground, Vanya burst into tears, and he was also shot. They smashed the head of the twelve-year-old son Fyodor with the butt of an ax near the house. Vitya was two and a half years old. He was chopped with an ax from shoulder to chest. He moaned at first, and then fell silent. . .⁵

According to some estimates, up to 24 thousand of Ukrainian population died at the hands of the AK and other Polish nationalist detachments in the territories of the Ukrainian-Polish conflict (it is interesting to compare the attitude to these figures in historiography at present: Polish historians quote the numbers from 11 to 15 thousand killed, in Ukrainian textbooks the numbers range from 30 to 70 thousand).⁶ Of course, one should take into account the psychological state of the AK members, who saw what the OUN-UPA units did with the Polish population during the Volhynia massacre, but even taking into account this factor, such actions can hardly be justified.

The modern Polish historian G. Motyka writes: “The operations of the Polish underground in 1942–1943, of course, can give rise to ethical doubts, but they fit into another logic, the logic of merciless struggle for physical survival in the conditions of German deportations.”⁷ A simple question arises: If the punitive actions of the AK cause ethical doubts among Polish historians, is there any use in heroization of the AK members? It is also strange that Polish researchers do not apply the same logic to the policy of the Soviet Union. Do the repressive actions of the Soviet army and the NKVD organs, which also undoubtedly give rise to ethical doubts, fit into the logic of the merciless struggle for physical survival of the Soviet Union during the Great Patriotic War? A simple thing should be admitted: in those years, cruelty and

⁴ See A. Dyukov, comp., *Forgotten Genocide: ‘The Volhynia Massacre’ 1943–1944: A Collection of Documents and Studies* [in Russian] (Moscow: Aleksei Yakovlev, 2008).

⁵ Cited in E.V. Yakovleva, *Poland versus the USSR. 1939–1950* [in Russian] (Moscow: Veche, 2007), 230–31.

⁶ For a detailed analysis of the Ukrainian–Polish conflict, see G. Motyka, *From the Volhynia Massacre to Operation Vistula. Polish–Ukrainian Conflict: 1943–1947* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014).

⁷ Motyka, *From the Volhynia Massacre to Operation Vistula*, 183.

violence were used from all sides, both by the AK members against the Ukrainian and Belarusian population, and by the Banderites against the Polish population. At the same time, both of them waged a merciless struggle against the Red Army and the Soviet administration. The NKVD bodies also had little patience with their political opponents, but they were very far from the atrocities of Ukrainian and Polish nationalists. Therefore, it is not correct to represent some (the AK) as selfless heroes, and others (the Soviet state security organs) as punitive force.

(2) The NKVD repression against the AK were not at all groundless. They had firm reasons. For the Red Army and the Soviet administration, the AK was initially a hostile organization which fought against the Soviets no less than against the Germans. On July 14, 1944, the commander of the AK, General Tadeusz Bór-Komorowski, radioed to the Commander-in-Chief of the Polish Armed Forces subordinate to the Polish government-in-exile, General Kazimierz Sosnkowski:

By providing the Soviets with minimal military assistance, we create political difficulties for them. The AK should focus on the people's desire for independence. This forces the Soviets to suppress our will by force and creates internal difficulties for them... Obvious violence should take place, which may cause protest from our friendly allies.⁸

The events of the liberation of Lvov described in D. Rogut's article fully fit into this tactics of the AK, but the Polish author does not write a single word about this position of the AK leadership.

On July 12, 1944, Tadeusz Bór-Komorowski issued an order from which it followed that one way or another, an armed confrontation between the AK and the Red Army was inevitable: "...the fight against the Soviets is an undesirable necessity, and this relates both to regular Soviet units and partisan detachments, as well as communist brigades (PPR, Polish Workers' Party, and AL, the People's Army)."⁹ At the same time, the pro-government Polish press in numerous publications called on Britain and the United States to turn the anti-Hitler war into an anti-Soviet war.

D. Rogut gives examples of joint actions of the AK and the Red Army against the Germans, but there are many other examples: during the Soviet offensive, the AK went underground and fought against the Red Army (but the article of the Polish historian does not say a word about it). In order to imagine how the AK members "helped" the Red Army to fight the Nazis and what methods of struggle they used, let us quote the following excerpts from the transcript of interrogation of the AK member Włodzimierz Mikuć by the NKVD:

⁸ Cited in Ermolovich and Zhumar', *With Fire and Sword*, 43.

⁹ Cited in Ermolovich and Zhumar', *With Fire and Sword*, 44.

Question: On March 14, 1945, you were handed in an indictment according to which being the commander of an armed detachment of the Home Army, you carried out subversive activities in the rear of the Red Army. Do you plead guilty?

Answer: I plead guilty that after the liberation of the territory of the Lithuanian SSR from the German invaders by the Red Army, contrary to the instructions of the Soviet military authorities to stop the underground activities of the Home Army, I re-organized an armed AK detachment, leading which, I carried out subversive work in the rear of the Red Army. . .

Question: And what were the instructions received from the Vilnius AK military district?

Answer: . . . according to the order of the Vilnius AK military district, we were to commit acts of sabotage and destroy telegraph and telephone communications, and by means of terrorist acts disrupt normal operation of Soviet bodies in the rear of the Red Army. Referring again to the order of the headquarters of the AK Vilnius military district of the, Mścisław said that we were to kill not only the representatives of the Red Army but also the chairmen of the councils who strictly followed the directives of the Soviet military command at the local level.

Question: How did you carry out these instructions of the Vilnius AK military district to carry out sabotage and terrorist work in the rear of the Red Army?

Answer: . . . we carried out armed raids and committed murders of the party and Soviet activists and soldiers of the Red Army. On February 4, 1945 in the village of Raubishki, Vilna Uyezd, our detachment. . . attacked a group of Red Army soldiers, engaged them into a battle and killed 10 soldiers of the Red Army. . . in the village of Zaelnyak, I ordered to capture two local representatives of the Soviet power, who were engaged in some kind of accounting there, and handed them over to the detachment whose commander had the nickname Komar. After torture, these two representatives of the local authorities were thrown into a cart and shot near the village of Okolitsa.

Question: These actions of yours should be regarded as gangster. Are they not?

Answer: Nothing of the kind. Gangsters we were not. We constituted an armed detachment of the Home Army, which did not act on its own accord but only on the orders of the Vilnius headquarters of the Home Army. The orders of the district headquarters obliged us, the leaders of the AK detachments, to capture and shoot representatives of the Soviet government on the spot. . . .

Question: Tell us more specifically, against whom did you commit the terrorist act?

Answer: On February 15, 1945, together with the detachment commanded by Captain Komar, we carried out an armed raid on the village of Lesnaya. . . and captured there 7 soldiers of the Soviet fighting detachment. After humiliation and beatings, all 7 Soviet soldiers were stripped naked, tied up, put up against the wall of one of the houses and shot. . .

Question: Show how the capture and execution of Soviet servicemen were carried out in the village of Lesnaya? . . .

Answer: Komar ordered to catch and deliver Soviet soldiers to the center of the village for execution at all costs. After about 15 minutes, all the soldiers were found and taken to the center of the village, where they were gathered near the wall of a house. Half of the members of our detachments and 4 local residents were present at the place of execution while the rest guarded the village. The deputy of Komar nicknamed Pancarz with the 12 gendarmes loyal to the detachment stripped the soldiers naked, tied them together and lined them up along the wall. After that, taking off his soldier belt, Pancarz paced from end to end of the line and beat the soldiers in turn with an iron buckle for 10 minutes, and then shot the last one with a pistol. The killed Soviet soldier pulled the remaining soldiers tied to him, and they were forced to stand in a bent position over their dead comrade. Pancarz did not shoot at other soldiers because the gendarmes declared that the right to shoot remained with them. However, Pancarz did not want to give in, and they began to quarrel, proving that each of them could shoot Soviet soldiers. Sitting aside on horseback and watching the execution, Komar ordered the gendarmes and Pancarz to stop unnecessary disputes and finish the execution. After that Pancarz stepped aside, and the gendarmes killed the Soviet servicemen with several bursts of machine guns.¹⁰

Such facts were not single. Contemporary Russian and Belarusian historians have published many documents of this kind.¹¹ According to A. Noskova, from July 1944 to May 30, 1945, 593 Soviet servicemen were killed by members of the AK detachments and other Polish underground organizations. According to the rough estimates, by the autumn of 1945, about 800 people had died, not counting those who were taken into the woods and disappeared without a trace.¹² These figures include military personnel only and do not take into account the number of civilian victims, which have not been counted in full so far. The modern Belarusian press provides

¹⁰ Cited in Ermolovich and Zhumar', *With Fire and Sword*, 67–74.

¹¹ A.F. Noskova, ed., *The NKVD and the Polish Underground. 1944–1945 (according to 'Special folders' of Joseph Stalin): A Collection of Documents* [in Russian] (Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1994); *Russian Archive: Great Patriotic War*, vol. 14 (3–1), *USSR and Poland* (Moscow: TERRA, 1994); A.F. Noskova, ed., *From Warsaw. To Moscow, Comrade Beria...: Documents of the NKVD of the USSR on the Polish Underground 1944–1945* [in Russian] (Moscow; Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001); "How the Polish Armed Underground 'Assisted' the Red Army in Defeating Nazi Germany. 1944–1945: A Documentary Publication" [in Russian], *Electronic library of the Federal Archival Agency (Rosarkhiv)*, accessed May 30, 2020, <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/foreword.shtml#01>

¹² "How the Polish Armed Underground 'Assisted' the Red Army," <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/foreword.shtml#01>

data on the western regions of Belarus, based on archival documents of the KGB of Belarus:

During 1944–1947, the AK armed gangs committed 575 terrorist acts, 39 acts of sabotage, 252 attacks on government agencies and enterprises. 96 MVD-MGB employees, 25 officers and 82 sergeants, rank-and-file soldiers of the Ministry of Internal Affairs troops and the Soviet Army, 290 Soviet party activists, and 1031 citizens died at the hands of Polish nationalists; 166 people were injured; 37 people were taken away by the militants. The acting gangs included not only the AK members but also deserters, criminals and former policemen.¹³

A logical question arises: How should the Soviet military administration respond to all this, how should it treat the AK, when in most cases the AK fought with the Red Army, and the instances of cooperation were single?¹⁴ Does the Polish researcher know any of this? Modern Belarusian historians emphasize:

The terror of the AK members provoked a response, quite natural and logical under the circumstances, from the organs of state security and internal affairs. The situation was so complicated and tense that it can hardly be described as excessive.¹⁵

Russian researchers come to similar conclusions.¹⁶ A natural question arises whether the actions of the AK were a response to the repressive actions of the Soviet state security agencies. S. Belov, who studied this issue, notes that even in the initial period of the liberation of Poland,

The Home Army launched active subversive activities against the USSR. The actions of the nationalists had been planned in advance and were not a response to the provocations of Moscow: the instructions to fight against Soviet troops and

¹³ “The Home Army. The Tragedy of Confrontation” [in Russian], *From Grodno. News of Grodno and Grodno region*, accessed June 13, 2020, <http://izgrodno.com/?p=20692> (20)

¹⁴ Even without referring to documents and historical research, anyone can learn about the tragic collisions of those years from fiction: Polish classics *Ashes and Diamonds* by Jerzy Andrzejewski (and Andrzej Wajda’s famous film based on it); Soviet classics *The Moment of Truth* by Vladimir Bogomolov (because of the negative assessments of the AK, this novel has never been translated into Polish and published in Poland, even in the Soviet era).

¹⁵ Ermolovich and Zhumar’, *With fire and sword*, 84.

¹⁶ “How the Polish Armed Underground ‘Assisted’ the Red Army,” <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/foreword.shtml#01>

forces loyal to Soviet Russia inside Poland had been given long before the Red Army units approached the borders of Rzeczpospolita.¹⁷

Thus, the actions of the Soviet state security organs in relation to the AK, well shown in the article by D. Rogut, were based on the wartime logic but not just on unreasonable persecution of Polish heroes. The repression against the AK had very serious reasons, but D. Rogut does not write anything about this, which gives the reader an inadequate idea of the tragic events that took place.

(3) In D. Rogut's article, the Polish communists are presented as puppets of Moscow, which is a very simplified interpretation of history. D. Rogut does not say a single word about the People's Army (in 1944 it conducted 904 military operations) and about the Polish Army, but in fact they played a much greater role in the liberation of Poland than the AK. Were all of them Moscow's puppets? The directives of the AK categorically prohibited cooperation with the Polish Army. The relations between the AK and the People's Army were very difficult. In particular, the AK leadership gave sharp response to the instances when AK soldiers joined the ranks of the People's Army and considered such actions as desertion. Despite the well-known instances of interaction between the AK and the People's Army at the local level in the fight against the German invaders, in general, the AK was dominated by a general rejection of the "communist gangs." The modern Polish researcher seems to view them that way, but in fact we are talking about his compatriots who fought against the Nazis. Besides, where is the elementary logic? While the supporters of Moscow who stayed in Poland are referred to as puppets, the supporters of the West who stayed in England (but not fought in Poland) should also be called puppets of England, the USA, etc. But the political sympathies of the author of the article are such that the Polish government in London dependent on the West is legitimate, and the Polish government dependent on Moscow is a puppet. Then both of them should be called puppets. D. Rogut writes, "The Communists simultaneously abused both patriotic propaganda and national symbols." Perhaps the author should have thought that the Polish communists and organizations close to them also had their own convictions and views on the development of the country, that they were patriots in their own way (and shed their blood in the war) and wanted good for their country. You cannot divide the history of your country into black (pro-Soviet) and white (pro-Western).

(4) The issue of the pre-war territory of Poland is, to put it mildly, very controversial. For the Soviet administration, the western lands of Ukraine and Belarus

¹⁷ S.I. Belov, "Subversive Activities of the Home Army In The Initial Period of the Liberation of Poland (July – December 1944)" [in Russian], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 182, no. 7 (2015): 52.

(Eastern Poland in Polish historiography) were their lands no less than for the AK. Hence the conscription to the Red Army of the population of these territories (the Poles were drafted into the Polish Army, and the Ukrainians and Belarusians, into the Red Army; what is wrong with that?) and other measures of Sovietization. In this case, to refer to a violation of certain norms of international law, as the author of the article does, means to deny the principle of historicism in historical research. What norms of international law could one speak of under the conditions of war in the front-line territories? Who fulfilled those norms back then and what were they like? It is impossible to transfer modern ideas about international law to the events of 1944–45.

References to the norms of international law are also unconvincing from the point of view of the analysis of the actions of Polish nationalist underground organizations and armed groups. Polish historian Tadeusz Walichnowski writes:

On January 29 and February 2, 1946 [i.e. after the end of the war – *Andrei Egorov*] Bury's NZV detachments [the abbreviation for one of the Polish underground organizations – *Andrei Egorov*] burnt down two Belarusian villages. After the buildings were set on fire, the bandits fired at the fleeing residents. Thus, they killed and burned alive 46 people, among them about 15 children under the age of 10. Several dozen people were injured and burned. The residents of the burnt villages have lost all their property. 104 families (459 people) were left with no means of support.¹⁸

It would be interesting to know from a Polish historian what norms of international law were the Polish partisans guided by?

(5) D. Rogut needs data on the NKVD's repression against the AK to substantiate the theory of two occupations (the Soviet occupation replaced the Nazi occupation),¹⁹ which is actively promoted by the Institute of National Remembrance. However, it is incorrect to compare the Soviet "occupation" with the German one even from the point of view of international law: Soviet Poland had all state institutions while under the Germans it was a part of the Third Reich. During the Cold War, all countries of the world recognized the Polish People's Republic, and no one considered it as occupied by the Soviet Union (unlike, for example, the Baltic States, whose membership in the USSR was never recognized in the United States). One can recall how many Poles were killed during the German occupation: approximately 5 million 600 thousand civilians (plus about 600 thousand soldiers). And how many civilians

¹⁸ Cited in Ermolovich and Zhumar', *With Fire and Sword*, 65.

¹⁹ V. Ivanchenko, "Double Occupation: Poland Invents Its Own Past" [in Russian], *Rubaltic.ru*, accessed June 11, 2020, <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/16072019-dvoynaya-okkupatsiya-polsha-pridumyvaet-sobstvennoe-proshloe/>

died during the Soviet “occupation” is a rhetorical question. Of course, Soviet Poland was under control of the USSR (and there were both pros and cons in it), but it was nothing other than control (influence) but not occupation. Modern Poland is also under control (influence) of the USA and the EU, but for some reason this is not considered an occupation. Let us make an elementary comparison: during the Soviet era, the Polish army was a part of the Warsaw Pact, and now NATO is in Poland. Under the USSR, the Polish economy was tied to the USSR, and now, to the West. Under the USSR, Polish foreign policy followed the channel of the USSR, now it follows the channel of the United States, and so on. What is the difference? Only in the political sympathies of the author of the article. But political sympathies / antipathies have nothing to do with scientific objectivity, and D. Rogut’s article lacks this objectivity.

* * *

It should be noted that in the post-Soviet period there were positive examples of cooperation between Russian and Polish historians. In 2010, a voluminous collective monograph was published, in which historians of the two countries presented different but well-balanced points of view on the most controversial problems of Russian-Polish relations in the 20th century.²⁰ However, just a year later, in 2011, the President of Poland Bronisław Komorowski signed the law on the Day of Remembrance (March 1) of the Cursed Soldiers, members of the armed anti-communist underground. The law recognized all participants in the anti-communist underground without exception as national heroes, defining any of their actions and deeds as heroic. First of all, the law applies to the members of the AK and other similar organizations. It is clear that after the adoption of this law all participants in the anti-communist underground turned into national heroes in Polish historiography, and a comprehensive objective study of their activities became very problematic. At the same time, in modern Russian historiography, it never occurs to anyone to conceal or heroize the repressive actions of the NKVD against Poland and other countries of Eastern Europe.²¹

It is the absence of an objective comprehensive approach when a specific phenomenon is analyzed in isolation from other phenomena, apart from the multitude of accompanying factors that makes a serious methodological flaw of in D. Rogut’s article. As a result, instead of serious scientific research, we obtain a professional

²⁰ A.V. Torkunov and A.D. Rotfel'd, eds., *White Spots – Black Spots: Difficult Issues in Russian-Polish Relations: Academic Publication* [in Russian] (Moscow: Aspekt Press, 2010).

²¹ See N.V. Petrov, *According to Stalin’s Scenario: the Role of the USSR NKVD–MGB Organs in Sovietization of Central and Eastern European Countries. 1945–1953* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN; Fond ‘Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina’, 2011).

selection of historical material to substantiate the author's political and ideological sympathies.

Список литературы

Белов С.И. Подрывная деятельность «Армии Крайовой» в начальный период освобождения Польши (июль–декабрь 1944 г.) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 7 (182). – С. 47–52.

Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях: научное издание / под общей редакцией А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. – Москва: Аспект Пресс, 2010. – 823 с.

Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить нацистскую Германию. 1944–1945 гг.: Документальная публикация // Электронная библиотека Федерального архивного агентства (Росархива). – URL: <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/foreword.shtml#01> (дата обращения: 30.05.2020)

Ермолович В.И., Жумарь С.В. Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.). – Минск: БелНИЦДААД, 1994. – 112 с.

Забывтый геноцид: «Волынская резня» 1943–1944 годов: сборник документов и исследований / составитель А. Дюков. – Москва: Алексей Яковлев, 2008. – 144 с.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. / ответственный редактор А.Ф. Носкова. – Москва; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 448 с.

Мотыка Г. От волынской резни до операции «Висла». Польско-украинский конфликт: 1943–1947. – Москва: Политическая энциклопедия, 2014. – 336 с.

НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (по «Особым папкам» И.В. Сталина): сборник документов / ответственный редактор А.Ф. Носкова. – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. – 308 с.

Носкова А.Ф. Сталин и Армия Крайова (к формированию позиции советского руководства) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 3 / ответственные редакторы А.П. Сальков, О.А. Яновский и др. – Минск: Белорусский государственный университет, 2008. – С. 315–328.

Петров Н.В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД – МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. – Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 351 с.

Русский архив: Великая Отечественная. Том 14 (3–1). СССР и Польша. – Москва: ТЕРРА, 1994. – 492 с.

Яковлева Е.В. Польша против СССР. 1939–1950 гг. – Москва: Вече, 2007. – 416 с.

References

Belov, S.I. “Podryvnaya deyatel'nost' ‘Armii Kraiovoi’ v nachal'nyi period osvobozhdeniya Pol'shi (iyul' – dekabr' 1944 g.)” [Subversive activities of the Home Army in the initial period of the liberation of Poland (July–December 1944)]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 182, no. 7 (2015): 47–52. (In Russian)

Ermolovich, V.I., and S.V. Zhumar'. *Ognem i mechom: Khronika pol'skogo natsionalisticheskogo podpol'ya v Belorussii (1939 – 1953 gg.)* [With fire and sword: A chronicle

of the Polish nationalist underground in Belarus (1939–1953)]. Minsk: BelNITsDAAD, 1994. (In Russian)

Dyukov, A., comp. *Zabytyi genotsid: 'Volynskaya reznya' 1943–1944 godov: sbornik dokumentov i issledovanii* [Forgotten genocide: 'The Volhynian massacre' 1943–1944: a collection of documents and studies]. Moscow: Aleksei Yakovlev, 2008. (In Russian)

“Kak pol'skoe vooruzhennoe podpol'e 'pomogalo' Krasnoi Armii razgromit' natsistskuyu Germaniyu. 1944–1945 gg.: Dokumental'naya publikatsiya” [How the Polish armed underground 'assisted' the Red Army in defeating Nazi Germany. 1944–1945: a documentary publication]. *Electronic library of the Federal Archival Agency (Rosarkhiv)*. Accessed May 30, 2020. <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/foreword.shtml#01> (In Russian)

Motyka, G. *Ot volynskoi rezni do operatsii 'Visla'. Pol'sko-ukrainskii konflikt: 1943–1947* [From the Volhynia massacre to Operation Vistula. Polish-Ukrainian conflict: 1943–1947]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. (In Russian)

Noskova, A.F., ed. *Iz Varshavy. Moskva, tovarishchu Beriia...: dokumenty NKVD SSSR o pol'skom podpol'e 1944–1945 gg.* [From Warsaw. To Moscow, comrade Beria...: documents of the NKVD of the USSR on the Polish underground 1944–1945]. Moscow; Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. (In Russian)

Noskova, A.F., ed. *NKVD i pol'skoe podpol'e. 1944–1945 gg. (po 'Osobym papkam' I.V. Stalina): sbornik dokumentov* [NKVD and the Polish underground. 1944–1945 (according to 'Special folders' of J. Stalin): a collection of documents]. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1994. (In Russian)

Noskova, A.F. “Stalin i Armiya Kraiova (k formirovaniyu pozitsii sovetskogo rukovodstva)” [Stalin and the Home Army (on the formation of Soviet leadership's position)], *Russian and Slavic Research: a scientific collection*, iss. 3, edited by A.P. Sal'kov, O.A. Yanovskii et al., 315–28 Minsk: Beloruskii gosudarstvennyi universitet, 2008. (In Russian)

Petrov, N.V. *Po stsenariyu Stalina: rol' organov NKVD–MGB SSSR v sovetizatsii stran Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy. 1945–1953 gg.* [According to Stalin's scenario: the role of the USSR NKVD–MGB organs in Sovietization of Central and Eastern European countries. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN; Fond 'Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina', 2011. (In Russian)

Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya [Russian archive: Great Patriotic War]. Vol. 14 (3–1), *SSSR i Pol'sha* [USSR and Poland]. Moscow: TERRA, 1994. (In Russian)

Torkunov, A.V., and A.D. Rotfel'd, eds. *Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh: nauchnoe izdanie* [White spots – black spots: Difficult issues in Russian-Polish relations: academic publication]. Moscow: Aspekt Press, 2010. (In Russian)

Yakovleva, E.V. *Pol'sha protiv SSSR. 1939–1950 gg.* [Poland versus the USSR. 1939–1950]. Moscow: Veche, 2007. (In Russian)

Егоров Андрей Николаевич

Доктор исторических наук, доцент,

Череповецкий государственный

университет,

Череповец, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>,

anegorov65@mail.ru

Andrei N. Egorov

Doctor of Historical Sciences,

Associate Professor,

Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>,

anegorov65@mail.ru